

НОВЫЕ РАБОТЫ О ТУРКМЕНАХ

Появление в Трудах Института этнографии АН СССР «Среднеазиатского этнографического сборника»¹ представляет значительный интерес, так как число публикаций по истории и этнографии народов Средней Азии в целом невелико и немало актуальных проблем еще ждет своего исследователя. Каждая новая серьезная работа в этом направлении является существенным вкладом в науку.

«Среднеазиатский этнографический сборник» состоит из пяти работ: «Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области ТССР» Я. Р. Винникова, «Туркмены нохурли» Г. П. Васильевой, «Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.» А. К. Писарчик, «Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии» О. А. Сухаревой и «Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным» В. В. Гинзбурга. Так как разобрать в одной рецензии столь различные по характеру и содержанию статьи, касающиеся вопросов социалистического переустройства быта, пережитков древней материальной культуры, антропологии и т. д., не представляется целесообразным, мы остановимся на работах Г. П. Васильевой и Я. Р. Винникова, посвященных этнографии туркмен.

Работы эти по своим задачам различны: если Г. П. Васильева описывает материальную и духовную культуру нохурцев преимущественно в дореволюционное время, попутно затрагивая вопросы, связанные с их этногенезом, историей и общественным строем, то Я. Р. Винников стремится показать социалистические преобразования в экономике, общественном строе и культуре марыйских текинцев.

Статья Г. П. Васильевой представляет собой монографическое описание небольшой, но очень интересной группы туркмен-нохурцев Бахарденского района ТССР. Во «Введении» автором указывается, что одной из основных задач работы является выяснение того, «насколько нохурли, при наличии отмеченных рядом авторов особенностей в хозяйстве, материальной культуре и быту, близки к другим группам туркмен». Особое внимание автор уделяет также исследованию одной из особенностей хозяйства нохурцев — преобладанию в нем с давних пор оседлого земледелия. Следует отметить, что в целом работа автору удалась и читатель получает достаточно полное представление об истории и этнографии нохурцев. Разделы «К вопросу о расселении и происхождении нохурли», «Сведения о хозяйстве нохурцев», «Материальная культура», «Материалы для характеристики социальной организации и быта нохурцев во второй половине XIX и начале XX в.» — охватывают важнейшие стороны быта исследуемой группы. Работа снабжена тщательно подобранными иллюстративным материалом.

Вместе с тем некоторые отдельные положения автора представляются нам нечеткими или спорными, и на них целесообразно остановиться подробно.

Во «Введении» автор правильно предостерегает от смешения термина «племя», которым он обозначает туркменские группы, подобные нохурли, с племенами первобытно-общинной формации. Верно и утверждение о существовании у многих туркменских групп, в том числе и у нохурцев, вплоть до начала XX в. «родоплеменной» структуры. Однако, говоря в данном случае о «родовой» структуре, следовало яснее показать ее роль и причины ее бытования. Г. П. Васильева пишет: «Следует отметить, что у нохурли еще в XIX в. наблюдалась простейшая (?) родовая структура, характерная для племен эпохи расцвета родового строя, целый ряд весьма древних родовых пережитков в хозяйстве и быту» (стр. 83). Таким образом, правильно отметив недопустимость отнесения туркменского общества в XIX в. к родовому строю, Г. П. Васильева причислила одну из важных черт их общественной организации — своеобразную структуру общества — к первобытно-общинным явлениям. Автор не показал четко, что «родоплеменная» структура с ее традиционной генеалогией была жизненно связана с хозяйственными нуждами кочевников и полукочевников и их военной организацией, что генеалогическое «родство», особенно в крупных подразделениях, чаще всего не было реальным, так как подразделения состояли из различных по происхождению групп.

В первой главе работы Г. П. Васильева останавливается на вопросах, связанных с расселением и происхождением нохурцев. Приводятся подробные сведения об основных местах их обитания, численности и составе подразделений, генеалогические схемы. Однако в очень интересном по своим задачам разделе «К вопросу о происхождении нохурли» многое представляется неясным. Прежде всего, говоря о переселениях туркмен в XVI—XVIII вв., автор не указывает важнейших причин, вызвавших эти переселения. Следовало отметить хотя бы два важнейших фактора — изменение в этот период водного режима Сарыкамышы и Дарьялыка и образование в XVI в. централизованных узбекских ханств, что во многом определило пути движения туркмен. В связи с этим остается неясным и то, чем же было вызвано передвижение текинцев в XVIII в. Согласиться с автором в том, что оно было только следствием походов Надир-шаха, нельзя, так как передвижения текинцев начались еще до этих походов. Далее, хотя общая установка автора о формировании нохурцев из различных туркменских и нетуркменских групп представляется вполне правильной, решение отдельных вопросов, затронутых в этом разделе, вызывает сомнения. Так, едва ли было целесообразно включать в работу без критической оценки записанный в свое время Г. И. Карповым рассказ информатора

¹ Изд-во АН СССР, М., 1954.

об оседании в Нохуре в VII в. (!) подразделения Ходжа. В другом месте без необходимого примечания приводится рассказ того же информатора Г. И. Карпова — Метли Молла — о поселении рода Кушхана в Нохуре в III в. до н. э. (!). Удивляет, почему автор не воспользовался хотя бы примечанием, содержащимся в использованной им работе А. П. Поцелуевского «Племя нохурли» («Туркменоведение», 1931, № 5—6), где указывается на достоверный характер этих сообщений Метли Молла (последний признался, что рассказ этот он слышал от Н. Н. Иомудского, тот же в свою очередь откуда-то вычитал и т. д.). Приведенный случай не единичен. Автору следовало бы более критично подходить к рассказам информаторов.

Не совсем убедительны данные относительно четырех подразделений нохурцев: Денджик, Эрвап, Мелик и Сыгыр, причисляемых автором к числу древнейших. Г. П. Васильева указывает, что «...у этих оседлых земледельческих групп к моменту появления огузов на территории Южной Туркмении было уже развитое имущественное неравенство» (стр. 100). Не доказано, что Денджик и другие перечисленные подразделения являлись потомками местного иранского земледельческого населения; непонятно, откуда автору известно, что у этих групп было «развитое имущественное неравенство». Наконец, следовало бы уточнить вопрос об огузах — относительно их пребывания в Нохуре по существу, ничего не известно.

Вызывает возражения трактовка Г. П. Васильевой происхождения группы нохурцев джагыл-джогул. Г. П. Васильева высказывает предположение (стр. 102), что предка джагыл-джогулцев были хорезмийцы-иуданцы, бежавшие в свое время от преследований арабов. Однако эта догадка имеет весьма шаткое основание: чисто формальное созвучие со словом «Хорезм» одного из старинных наименований Нохура — «Кава Земин», слышанное автором, по его словам, от некой старой женщины. Хотелось бы предостеречь Г. П. Васильеву от сомнительных попыток формально-лингвистического анализа, основанного только на отдаленном созвучии. Такой анализ встречается у нас не только в рассматриваемой работе. Так, в статье «Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.»² Г. П. Васильева вслед за Г. И. Карповым считает возможным возводить туркменское подразделение ата к древнейшим обитателям Средней Азии, основываясь только на созвучии имен ата — аттаси, астабены.

Значительную часть работы занимает описание хозяйства нохурцев, их поселения жилища, пищи, одежды и украшений. Все эти разделы построены на собрании Г. П. Васильевой полевым материале и дают ясное представление о предмете. Раздел о ремеслах, домашних промыслах и материальной культуре являются заметным вкладом в дело этнографического изучения туркмен. Хотелось бы, правда, увидеть больше сравнительного материала, тем более, что автор владеет им по многим туркменским подразделениям. По указанным разделам можно сделать лишь незначительные замечания. Так, например, на стр. 133 автор хочет обосновать древнее местное происхождение нохурцев, сопоставляя бытующую у них капиталь колонны с архитектурными конструкциями в Новой Нисе. Трудно назвать это «веским этнографическим доказательством» так как автору рецензии приходилось наблюдать точно такие же капитали и у туркмен ата на правом берегу Аму-Дарьи, между тем атинцев трудно сблизить с древними обитателями прилегающих к Нохуре территорий. Несколько поспешным выводом представляется мнение автора, что прототипом современного нохурского дома являлась землянка (стр. 136).

Кое в чем спорной представляется IV глава работы, посвященная характеристике социальной организации нохурцев во второй половине XIX и начале XX в. С самого начала главы автор, употребляя термины «род», «племя», не берет их в кавычки. Иногда может создаться впечатление, что «род» понимается в его классическом значении. Например, автор пишет: «Наряду с родом у туркмен в рассматриваемый период (т. е. в XIX в. — Г. М.) существовала и развивалась водо-земельная община, уже носившая характер соседской, что сильно осложняло картину социально-экономических отношений» (стр. 177). Автор забывает, что «род» — это здесь всего лишь форма, которая на рассматриваемом этапе не противостояла соседской общине. Г. П. Васильева определяет переоценивает значение у туркмен родовых отношений и недооценивает своеобразия соседско-общинных отношений.

Интересны данные автора по свадьбе, религиозным верованиям и обрядам нохурцев.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в целом работа Г. П. Васильева является полезным исследованием, появление которого следует приветствовать.

Я. Р. Винников избрал для своего исследования нелегкую тему. Основная ее трудность — обширность и многоплановость. В работе разбираются такие различные вопросы, как историческое прошлое туркмен Марыйской области более чем за 50 лет (12 стр.), социалистическое строительство в туркменском ауле (14 стр.), развитие колхозного производства (11 стр.), материальная культура (20 стр.), положение женщины, брак, семья (12 стр.), культурный рост колхозного крестьянства (4 стр.). Учитывая, что имеется очень мало научных работ, на которые можно было бы опереться в освещении ряда вопросов туркменской истории, этнографии, экономики и т. д., можно сразу же высказать опасение, что на протяжении немногих страниц едва ли можно достаточно образом проанализировать такие вопросы, как социалистическое строительство в ауле за все годы Советской власти или развитие колхозного производства.

В первом разделе работы Я. Р. Винникова вначале дается короткий, но содержащий

² «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М. 1952, стр. 428.

тельный очерк, где автор касается истории текинцев в середине XIX в., их расселения, численности и распределения земли между отдельными текинскими подразделениями. Далее автор переходит к туркменской водо-земельной общине, родоплеменной организации и развитию частного землевладения. Нельзя не отметить очень интересную карту, приводимую автором для иллюстрации схемы орошения у текинцев, дающую представление и о расселении текинских подразделений. Большой интерес вызывает вопрос о характере туркменской водо-земельной общины. В работе приводятся конкретные данные по этому вопросу, делается попытка показать особенности туркменской соседской общины. В литературе вопрос этот почти не освещен, поэтому Я. Р. Винников поступает верно, стремясь хотя бы в кратких чертах восполнить данный пробел.

Как справедливо отмечает автор, одним из существенных отличий туркменской водо-земельной общины XIX—XX вв. от первобытно-родовой было имущественное неравенство, существовавшее внутри нее классовое расслоение. Однако, как уже говорилось выше, «родоплеменные» подразделения в XIX—XX вв. не только этим отличались от родовых групп первобытности. В работе Я. Р. Винникова лишь на основании косвенных данных можно понять, что «родоплеменная» форма организации туркмен была одной из особенностей их водо-земельной общины, которую автор, несомненно, считает соседской, хотя прямо об этом нигде не говорит: так, например, на стр. 11 говорится о «формах пользования землей и водой внутри родовых подразделений (водо-земельных общин) мургабских текинцев». Нечетко освещен и вопрос о времени возникновения соседской общины — автор пишет об этом в такой форме: «Неуклонно шел процесс изменения состава родовых подразделений и сущности господствовавших некогда внутри них отношений. В конце концов они превратились в новую социальную организацию — создалась водо-земельная община» (стр. 12).

Я. Р. Винников затрагивает вопрос об интересном обычае — праве «никах», согласно которому орошаемые участки получали только женатые мужчины. По словам автора, право это возникло к концу XX в., придя на смену другому порядку, когда надел земли и воды давался общиной каждому мужчине, способному носить оружие. На одной и той же странице 11 происхождения права «никах» даются два объяснения: 1) этот порядок возник «под влиянием родовой знати, байства и духовенства, с развитием и видоизменением санашиковой формы землепользования» и 2) «Причиной возникновения права «никах» был быстро прогрессировавший распад «родового строя» туркмен, который уже издавна скрывал в себе антагонистические феодальные отношения. Утверждению новых порядков способствовало также повышение цен на хлопок». Первое объяснение вообще неясно. Следовало бы внести большую ясность и во второе объяснение, указав, какие — феодальные или капиталистические отношения (развитие хлопкового хозяйства) были в начале XX в. ведущими и определяющими в развитии туркменского общества. Не выяснив этого, автор иногда допускает противоречия даже в одной фразе. Так, например, говоря об аульных старшинах, он пишет: «Их деятельность была направлена на сохранение старых производственных отношений, их интересы были неразрывно связаны с интересами торговцев, ростовщиков, крупных землевладельцев, богатых скотоводов, духовенства и других представителей эксплуататорской верхушки местного населения» (стр. 16). Вообще едва ли будет верным не разграничивать интересы различных слоев правящей верхушки туркмен. В XX в. в Мургабском оазисе развивалось хлопководство, капиталистические отношения проникали в сельское хозяйство. Интересы торговцев, крупных землевладельцев и т. д. были уже в значительной мере связаны с развитием новых, капиталистических отношений. Что же автор понимает под «старыми» производственными отношениями и кто являлся их носителем?

Будучи ограничен размерами статьи, автор принужден был лишь бегло описывать туркменское хозяйство в прошлом. Даются сведения о низкой технике земледелия, отсталом характере скотоводства, что резко контрастирует с картиной развития сельскохозяйственного производства в советское время. К сожалению, весьма важные замечания автора о частной собственности баев на колодцы, их праве распоряжаться колодцами, принадлежавшими различным подразделениям (стр. 16), не подкрепляются фактическими материалами. Имеются неясности или же неудачные формулировки: так, если «большинство колодцев находилось в частном владении баев или родовых подразделений (тире)...» (стр. 16), то кому же тогда принадлежали остальные колодцы?

В разделе «Социалистическое строительство в туркменском ауле» автор характеризует соответствующие декреты Советской власти и описывает важнейшие преобразования, происходившие в Туркмении после Октябрьской революции (земельно-водная реформа, национально-государственное размежевание, коллективизация). Большой интерес представляют здесь разносторонние архивные материалы, публикуемые впервые.

В разделе приводятся конкретные факты, показывающие борьбу байства и духовенства против проведения советских реформ, организации колхозов, использование ими в своих целях патриархальных традиций. Полевой материал хорошо показывает увеличение доходов колхозников в ходе развития социалистического сельского хозяйства (стр. 29). Хотелось бы, однако, чтобы в этнографической работе было значительно больше конкретного материала, наглядно показывающего, как в процессе социалистического строительства шло изживание старых и складывание новых форм быта, какие традиции вытеснялись, какую роль играют в наше время пережитки старого быта и т. п. Я. Р. Винников, работавший в Туркмении свыше 16 лет, несомненно, должен располагать такими данными.

Следующий раздел работы «Развитие колхозного производства» имеет главным образом экономический характер и требует оценки со стороны специалистов.

Думается, что автором неплохо изложена история двух туркменских колхозов. Интересны приводимые им сведения о новом землеустройстве, в корне подорвавшем экономическую базу деления населения на «родоплеменные» группы и уничтожившем предпосылки для «родоплеменной» вражды; несомненный интерес представляют данные о колхозном животноводстве. К недостаткам раздела следует отнести обилие цитат, излишне подробное изложение указов и постановлений и в то же время явный недостаток конкретного материала, который мог бы показать влияние постановлений Партии и Правительства на быт дайхан.

Раздел о материальной культуре содержит собранный автором новый этнографический материал. Описываются поселения и жилища колхозников, их пища и одежда. Из-за недостаточности этнографических данных о туркменах-теке Я. Р. Винников вынужден был вначале охарактеризовать их материальную культуру в прошлом, а так как на протяжении нескольких страниц сделать это было очень трудно, то получилась неполная, зачастую поверхностная картина. Так, например, подробно описывается юрта, бывшая наиболее распространенным видом жилища текинцев до революции, и ничего не сказано о старых жилищах оседлого типа; между тем туркмены никогда не были чистыми кочевниками, и им уже издавна были известны различные типы оседлых жилищ. От юрты автор сразу переходит к современным постройкам оседлого типа, которые описываются весьма подробно. Довольно полное представление читатель получает и от описания новых благоустроенных колхозных поселков. Однако было бы интересно узнать, как в новых поселках разместились бывшие «родовые» подразделения туркмен, как изживалось разделение туркмен на «родовые» группы и складывались новые взаимоотношения. Раздел об одежде сильно выиграл бы (равно как и другие разделы о материальной культуре) от привлечения сравнительного материала по другим туркменским группам.

Некоторые замечания вызывает раздел «Положение женщины. Брак. Семья». Одно сторонним кажется, например, объяснение древнего обычая левирата «нежелание терять купленный товар», даваемое посредством цитаты из работы Д. Г. Иомудской Буруновой (стр. 64). Наряду с этим надо отметить хорошее описание свадебного обряда текинцев. Единственное возражение здесь касается трактовки автором туркменского обычая «кайтарма» — временного возвращения молодой вскоре после свадьбы в дом родителей. Автор пытается связать этот обычай с условиями выплаты калыма (стр. 73) в действительности эти условия были привнесены позднее, а в основе «кайтарма» лежат традиции, восходящие к эпохе матриархата.

Чувство неудовлетворенности оставляет раздел «Культурный рост колхозного дайханства», где на протяжении четырех страниц даются только самые общие сведения.

В целом работа Я. Р. Винникова заставляет задуматься над вопросом: не следовало ли прежде чем публиковать результаты изучения столь сложной и ответственно обобщающей темы, полнее и глубже разработать ее отдельные узловые вопросы?

Г. Е. Марко

Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русаякина. *Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (По материалам колхоза им. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР)*. Под общей редакцией Н. А. Кислякова. Ответ. редактор Л. П. Потапов. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIV, М.—Л., 1954.

Одной из актуальных задач советской этнографической науки является изучение социалистической культуры и быта народов нашей многонациональной страны. Над решением этой задачи в течение ряда лет работает большой коллектив этнографов как в Институте этнографии АН СССР, так и в академиях наук союзных республик.

Сотрудники сектора Средней Азии Института этнографии АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР в 1954 г. выпустили в свет книгу о культуре и быте таджикского колхозного крестьянства, посвятив ее двадцатипятилетию со дня образования Таджикской ССР. Как видно из предисловия, авторы «поставили своей целью на материалах одного из колхозов показать социалистическое переустройство жизни таджикского колхозного крестьянства, культуры и быта таджиков-колхозников по сравнению с дореволюционным состоянием, выяснить роль и значение старых форм национальной культуры и, наконец, отметить некоторые тормозящие моменты в социалистическом переустройстве жизни таджикских крестьян» (стр. 5). Объектом изучения был избран таджикский хлопководческий колхоз, объединяющий в настоящее время все сельское население кишлака Чкаловск (бывший кишлак Кыстакоз) Ленинабадского района Таджикской ССР. Выбор объекта можно считать удачным. Таджики Чкаловска являются наследниками земледельческого опыта многих поколений и носителями многовековых культурных традиций. В то же время специальной этнографической литературы по ферганским таджикам не существует, и рассматриваемая книга в значительной мере должна заполнить этот пробел в этнографическом изучении таджикского народа.

Книга, написанная в основном по материалам, собранным авторами на месте, со-